

Андрей Гнездилов — «Газете»

«Церковь выглядит выразительнее на фоне здания, решенного в стиле суперграфики»

В историческом центре Москвы, у площади Белорусского вокзала, возводится офисное здание, которое уже получило диаметрально противоположные оценки у специалистов. Автор — известный московский архитектор Андрей Гнездилов, один из руководителей архитектурного бюро «Остоженка», разъяснил свою творческую позицию в интервью Татьяне Невской.

Для офисного здания был выделен участок у Белорусского вокзала?

План дома сделан в пределах всей оконечности квартала между 3-м, 4-м и 1-м Лесными переулками.

Если смотреть на здание со стороны Тверской, оно соотносится с церковью.

Такова родословная этого места, участок расположен географически за церковью. Поэтому эта церковь всегда будет проецироваться с площадью Белорусского вокзала на фасад здания. По-другому быть не может. Понятно, что заказчик хочет дом построить, понятно, что церковь никуда не денется. А задачей архитектора было придумать фасад таким, чтобы он, находясь на фоне церкви, не мешал, а может быть, и выгодно проявил ее архитектуру.

Как это было решено?

В нашем коллективе сразу было решено делать фасад с горизонтальными членениями, чтобы силуэт церкви на нем читался наиболее контрастно. Понятно, что никакие вертикальные членения, которые бы запутали или замаскировали силуэт церкви, не годились. Весь стеклянный, зеркальный фасад тоже не годился. Заказчик на такое дорогое остекление не пойдет. К тому же это с точки зрения эксплуатации здания очень тяжело и дорого. Понятно, что такое решение было бы потом отброшено клиентом. Мы, конечно, могли бы развлекаться, рисовать зеркальные стеклянные плоскости, но это все равно бы не было построенно. Или нам позже пришлось бы выработать новое прочтение. Поэтому с самого начала в принципе мы работали над фасадом с горизонтальными членениями, как бы «тельняшкой». Здание это в высоту и ширину — по 53 метра. Его завершает сверху горизонтальная балка с консольными вылетами.

Что касается цвета — насколько темным получится стекло на фоне проема, заранее трудно узнать. Любимый архитектор знает, что проем всегда темный в теле дома.

Образец, который мы смотрим в комнате на столе, не соответствует реальному положению вещей. Поэтому мы чисто интуитивно должны были угадать. Было несколько вариантов стекла: оно должно было быть темным, чтобы защитить помещение от солнечного света. Нужно было решать и фасадные проблемы, прочтения цвета стекла по отношению к светлой стене. Был вы-

бран образец алюминиевого профиля обрамления стекол, цвет стены подбирали под цвет стекла. Первоначально, поскольку любое современное остекление — это пакет, в нашем решении темное стекло было внутреннее, а внешнее — чуть подзеркальное. Но потом выяснилось, что фирма сделала пакет по другой формуле. Чуть темное стекло на фасад, а подзеркальная, отражающая пленка — внутри. Получилось не совсем то, что нам хотелось, но, с другой стороны, контрастность дома увеличилась. И более темное остекление работает более активно со светлой стеной.

Если обращаться к внешнему виду, к среде, то колокольня на фоне светлого фасада, несмотря на то что их цвета почти одинаковы, тем не менее выделяется и смотрится выигрышно, красиво.

Красиво, некрасиво — это вопрос вкуса. У этого здания есть как яркие критерии, которые совершенно не принимают этого решения фасада, так и сторонники, в частности коллеги-архитекторы, которые считают решение фасада удачным. Мы считали, что эта церковь может стать еще интереснее на фоне стены здания, решенного в стиле суперграфики. Потому что никакое «мелкотравчатое» решение фасада, когда появились бы какие-то проемы, прямоугольники, невозможно. С моей точки зрения, они бы безнадежно запутали и замаскировали фасад церкви. Был также специально выбран «молочный» цвет стен.

Вообще дом контрастный по отношению к среде. Потому что в эту среду «попасть» нельзя. Она настолько разнородна, хаотична, что повторять этот хаос в таком большом доме нам казалось безнадежным. Масштабное, крупное решение выгодно выделит его из среды, и при этом здание станет надежным фоном для церкви.

Как это получилось? Мнения разные, но мы считаем, что достигли желаемого.

Бюро «Остоженка» отличается тем, что очень тщательно и щепетильно относится к среде, в которую внедряет свои архитектурные проекты.

Вообще среда — понятие многоплановое. У Александра Скокана, руководителя архбюро «Остоженка», есть точное сравнение нашей деятельности в городе с поведением человека в обществе. Важно правильно войти

в комнату. Можно вломиться, расшвыривая стулья, громко топая ногами, пытаясь обратить на себя внимание. Можно — вежливо и незаметно, вовремя вступив в разговор. Это общий принцип поведения. Нам кажется, что в своей работе мы этому уделяем внимание. И с этой точки зрения всегда оцениваем ситуацию, в какое окружение мы входим, что здесь уместно, а что — нет. С точки зрения площади Белорусского вокзала — там, где стоит наше здание в Лесных переулках, расположено много малоэтажных зданий, их фасады скрыты за рекламными щитами. Среда производит впечатление ярмарки. В этой ярмарке мы выглядим чужеродно. Но зато весь этот балаган закончен ясным задником. У моих коллег «дом-пингвин» на 1-й Брестской с выпуклым зеркальным фасадом, нависающим над улицей, — это тоже ответ среде, реакция архитектора на среду, ее понимание. Дом дополняет ландшафт.

Сейчас бюро «Остоженка» переехало в Турчанинов переулок в новое здание, построенное по нашему же проекту. Участок там очень сложный, прямоугольный, в середине участка стоит уже построенный дом. Мы использовали рельеф, сделали вход в глубине, за линией переулка. В итоге получилось очень по-московски. В провинциальной малоэтажной среде вблизи старообрядческой церкви и бассейна «Чайка» появился большой офисный центр, который, благодаря тому что расположен на «второй линии», не выпячивается и не разрушает среду.

Один из известных проектов бюро «Остоженка» — дом в Соимоновском проезде, расположенный прямо напротив храма Христа Спасителя.

Это реконструированный дом тридцатых годов прошлого века, в котором мы стремились сохранить фасад. Когда мы приступили к реконструкции, он практически разваливался. Сейчас бы его просто снесли. Тогда, в начале 90-х, были проведены очень дорогие мероприятия по сохранению подлинного фасада, по строительству внутри несущего каркаса и бетонных перекрытий.

В итоге получился дорогой дом. Сделанный в 30-е годы, как выражаются господа архитекторы, «из дерьма и спичек», реконструированный, он выглядит дорого, стильно и элегантно.

Да, изначально это было что-то типа «обшаги» для деятелей искусств. К 90-м он был просто «приговорен». Я не знаю, как так вышло, видимо, есть у этого дома ангел-хранитель. Потому что мероприятия по реанимации при помощи двух-трех нехитрых приемов сделали его современным офисным зданием. Что касается среды, сейчас он в самом деле стоит напротив храма Христа Спасителя. Но когда мы проектировали его реконструкцию, там был бассейн «Москва». Фасад этого дома сохранен из прин-

ципа, потому что мы считали, что он очень хороший. Итальянцы, которые занимались реконструкцией, так ухищрялись, внутри стен делали опалубку для несущих пилонов! До этого какие-то «умельцы» уже сделали реконструкцию, начав бетонировать с верхнего этажа. Нагрузка пришлось на пустые стены сверху. Стены стали терять геометрию. Дом был на грани обрушения. Итальянцы сделали все, чтобы здание спасти. В итоге получилось дико, нереально дорого. Почему так вышло? Кому-то было выгодно платить дорого.

Но и сейчас на рынке недвижимости цены немалые.

Да, недвижимость баснословно подорожала. За очень короткий срок — в два-три раза. Интерес инвесторов к строительству, естественно, очень возрос. Все объекты стали еще более прибыльными. Если бы при этом себестоимость строительства росла, я бы это приветствовал, но жажда наживы ненормированна. Чем дороже можно продать квадратные метры, тем меньше средств инвестор готов за это заплатить. К тому же квалификация строителей оставляет желать... Профессионалов не хватает. Естественно, на жилые дома привлекаются строители очень низкой квалификации, гастарбайтеры из наших бывших южных республик. Мне нравится, как они убирают город, старательные дворники, не пьют, не курят. Но в качестве строителей они ничего делать не умеют. Их нанимают, потом выгоняют, часто не заплатив, потому что видят, что нет никакой квалификации. Поэтому

качество исполнения сильно отличается от качества проекта.

Архитектор должен заниматься проектированием, делать умные проекты. К сожалению, сейчас сама процедура согласования проекта в Москомархитектуре настолько усложнилась и бюрократизировалась, что лично мне и моим коллегам, кто не первый год работает в Москве, приходится проводить там довольно много времени, для того чтобы быть лодманом для клиента, тратить свое время, пытаться помочь заказчику согласовать проекты, которые раньше согласовывались элементарно.

Никто — ни архитекторы, ни строители, ни в целом строительный комплекс — почти не готов к таким объемам строительства. Это очень прибыльный бизнес. Годовые проценты, которые приносят вложения в недвижимость, превышают банковские в разы.

Любая стройка — это рабочие места и заказы для множества компаний. Это всем выгодно.

Ваше бюро участвовало в международном конкурсе на реконструкцию Маринки. Да и начинали вы, позиционируя себя в качестве специалистов европейского уровня. Готовы ли вы сейчас участвовать в подобных конкурсах?

Да, мы готовы. Мы переехали в новый офис. Место это статусно оправданно, этот офис гораздо лучше и удобнее для нашей деятельности, чем предыдущий. Но, таким образом, мы оказались в других условиях: мы ищем способ эффективной работы в новой ситуации.